

Новонайденные записки С.П. Трубецкого как источник по истории общественного движения в России 1810-х—1820-х годов¹

Записки С.П. Трубецкого — один из наиболее ценных памятников в мемуарном наследии участников общественного движения первой четверти XIX в. Ранее исследователи располагали комплексом рукописей записок, сохранившимся в архиве Трубецких.² Он лёг в основу всех имеющихся публикаций воспоминаний.³ Другие рукописи записок Трубецкого, как считалось до последнего времени, не сохранились, хотя указания на их существование имелись в исторической литературе.⁴

В 2001 г. в составе коллекции известного собирателя исторических документов, профессора Петербургского университета И.А. Шляпкина нами была обнаружена рукопись неизвестной прежде редакции записок Трубецкого.⁵ Выявленные при изучении документа многочисленные текстуальные совпадения с известной редакцией записок, а затем результаты почерковедческой экспертизы подтвердили наше предположение о принадлежности рукописи Трубецкому. Дополнительным доказательством его авторства служит тот факт, что рукопись содержит сведения, которые известны в историографии только из записок Трубецкого.⁶

Проведённое сличение новонайденной рукописи с текстом известного варианта записок обнаружило значительные текстуальные совпадения, по-

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта «Записки декабриста С.П. Трубецкого (неизвестная редакция). Источниковедческое исследование, подготовка к публикации», № 03-01-00912а.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1143. Оп. 1. Д. 7; Оп. 2. Д. 8.

³ Записки декабристов. Вып. 2/3. Лондон, 1863. С. 1—99; *Трубецкой С.П.* Записки / Издание его дочерей. СПб., 1906 [1907]; *Трубецкой С.П.* Записки // Мемуары декабристов: Северное общество. М., 1981. С. 23—75; *Трубецкой С.П.* Записки // *Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки. Иркутск, 1983. С. 217—293 (далее — Трубецкой).

⁴ См.: *Кошлякова Е.А.* Судьба архива декабриста С.П. Трубецкого // Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981. С. 105—109; *Павлова В.П.* [Комментарий к «Запискам» С.П. Трубецкого] // *Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Иркутск, 1983. С. 356.

⁵ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Колл. 154. (И.А. Шляпкина). Оп. 1. Д. 44.

⁶ См.: *Ильин П.В.* Новое об истории декабристского движения: по страницам неизвестной рукописи записок С.П. Трубецкого // Отечественная история. 2003. № 6. С. 138—146. Вопрос об установлении авторства и другие аспекты источниковедческого изучения рукописи освещаются в специальной статье, готовящейся к печати.

звolyающие говорить об авторстве документа, а также заключить о существовании общего протографа мемуарных сочинений Трубецкого. Одновременно выявлены многочисленные различия: отдельные слова, фразы и целые фрагменты текста рукописи отсутствуют в известной редакции записок.

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы представить обзор неизвестной в научной литературе информации, которую содержит обнаруженная нами рукопись воспоминаний декабриста, показать информационные возможности вновь найденного исторического источника.

Сохранившаяся в коллекции И.А. Шляпкина «записка неизвестного о декабристах» (под таким названием документ был занесён в опись коллекции) — по объёму сравнительно небольшая рукопись (41 лист архивной пагинации). Большую часть своих воспоминаний Трубецкой писал от третьего лица — именно так построен рассказ и во вновь обнаруженной рукописи. Текст написан связно, авторская правка минимальна. В целом, рукопись имеет характер белового текста, признаков неполноты и незавершённости не содержит. В отличие от известной редакции записок Трубецкого, носящей следы незавершённой авторской работы над текстом, структура которой весьма сложна (в частности, включает в себя черновые и беловые рукописи, отдельные фрагменты, незаконченные автором отрывки), данная рукопись наделена чертами завершённого, законченного мемуарного очерка, специально посвящённого истории тайных обществ и событиям междоусервствия 1825 г.

Бумага рукописи имеет штемпель частной фабрики Аристархова, который применялся в 1846—1851 гг.⁷ Имеющиеся в тексте хронологические указания устанавлывают временные границы создания документа: упоминается «действующая армия князя Варшавского» (речь идет о венгерском походе 1849 г. И.Ф. Паскевича), император Николай I упоминается как царствующий император.⁸ Таким образом, следует признать, что рукопись создана мемуаристом в промежутке между 1849 и 1855 г., т.е. в период пребывания в Сибири.

О том, что рукопись записок принадлежит к ранним (сибирским) произведениям Трубецкого, свидетельствует и отсутствие в тексте следов знакомства с книгой М.А. Корфа. В известной редакции записок Трубецкого есть поправка, обнаруживающая знакомство автора с сочинением официального историка; она корректирует написанное ранее мемуаристом указание о том, кто сделал первый артиллерийский выстрел 14 декабря 1825 г. (указывается названный Корфом офицер И.М. Бакунин).⁹

⁷ Клепиков С.А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVIII—XX в. М., 1959. С. 151, 100. (штемпель № 3).

⁸ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Колл. 154. Оп. 1. Д. 44. Л. 30 об.

⁹ Трубецкой. С. 383.

Сведения об авторе рукописи были утрачены, а документ оказался в коллекции собирателя исторических раритетов И.А. Шляпкина. Эти обстоятельства, по нашему мнению, говорят о том, что рукопись законченного мемуарного очерка отделилась от основного комплекса записок Трубецкого, вслед за чем сведения об авторстве оказались утерянными. Как можно объяснить этот факт? Думается, что она, была передана (переслана?) автором третьему лицу — которому, по-видимому, должна была предназначаться.

Среди рукописей, сохранившихся в фонде Трубецкого в Государственном архиве РФ (ГАРФ) и принадлежащих общему комплексу мемуарных текстов декабриста, имеется отрывок, в котором автор адресует текст своих воспоминаний некоему «другу», оставшемуся в Европейской России, отношения с которым брали своё начало ещё со времени до 1825 г., не посвящённому в деятельность тайных обществ. Этот отрывок датируется концом 1840-х — началом 1850-х гг. и носит черновой характер.¹⁰ Не приходится сомневаться в том, что в период жизни в Сибири Трубецкой намеревался распространить текст своих записок (объёмно и композиционно отличающийся от известного текста воспоминаний) среди своих друзей и знакомых, в том числе — тех, кто оставался в Европейской России.

В связи с чем мог возникнуть такого рода замысел? Кому предназначался подобный мемуарный очерк с «объяснением» причин появления тайных обществ, сообщением основных событий их истории и своеобразным оправданием их деятельности? Отвечая на эти вопросы, следует вспомнить о посещении Трубецкого и других осуждённых декабристов сенатором, давним и близким другом Трубецкого И.Н. Толстым, проводившим в 1843—1845 гг. сенаторскую ревизию Восточной Сибири. Фактически, это была первая встреча сосланных «государственных преступников» с бывшим их товарищем, представителем одного с ними поколения, но сделавшим значительную карьеру после 1825 г. Судя по имеющимся откликам, встречи старых товарищей были неформальными и дружескими. Так, например, прошла встреча Толстого с Трубецким. Вполне естественно, что на ней речь шла об истории тайных обществ, и Трубецкой почувствовал потребность представить своему товарищу своё видение этого «дела».¹¹

Именно ко времени сенаторской ревизии Толстого исследователи относят начало работы Трубецкого над воспоминаниями; во всяком слу-

¹⁰ См.: Трубецкой. С. 287. Ср.: Павлова В.П. [Комментарий к «Запискам» С.П. Трубецкого] // Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки. Иркутск, 1983. С. 382.

¹¹ См.: Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Иркутск, 1987. С. 491; Пуцин И.И. Сочинения и письма. Т. 1. М., 1999. С. 481. И. Н. Толстой был прекрасным знаком не только с Трубецким, но и с другими бывшими однополчанами по Семёновскому полку — И.Д. Якушкиным, М.И. Муравьевым-Апостолом, а также И.И. Пуциным, Е.П. Оболенским и другими.

чае, сам мемуарист сделал на одной из ранних черновых рукописей запись следующую запись: «Сии Записки писаны в 1844—[184]5 гг.».¹² Как видим, хронологически это совпадает с приездом в Сибирь И.Н. Толстого. Представляется, что через несколько лет после посещения сенатором ссыльного друга — Трубецкой мог подготовить особую, отдельную рукопись воспоминаний, в виде законченного очерка, предназначенную для старого товарища и раскрывающую историю тайных обществ, причины их появления и основной смысл их деятельности.

Перейдем непосредственно к интересующему нас вопросу о содержательных новациях, которые включает рукопись, и оценке их значения для исследования эпохи.

Описание истории тайных обществ в новонайденной рукописи в целом имеет степень подробности, сходную с известным вариантом записок Трубецкого. Вместе с тем, в этой части рукописи встречаются и новые данные. Так, Трубецкой называет известный ему состав «Ордена русских рыцарей», созданного М.Ф. Орловым и М.А. Дмитриевым-Мамоновым. В отношении участников этого тайного общества в исследовательской традиции имелись существенные разноречия. Касались они флигель-адъютантов, принятых в «Орден», известных из записок Н.И. Тургенева под криптонимами «к[нязь] М.» и «г[осподи]н Б.».¹³

Что касается первого, то ясность внёс тот же Трубецкой: он назвал в своих известных записках фамилию князя А.С. Меншикова.¹⁴ Другое лицо до сегодняшнего дня оставалось неизвестным. В.И. Семевский, а вслед за ним М.В. Нечкина, полагали, что речь идет о будущем шефе III Отделения А.Х. Бенкендорфе.¹⁵ Ю.М. Лотман обратил внимание на то, что присутствие последнего среди участников «Ордена» противоречит его уставу, запрещавшему принимать в общество лиц немецкого происхождения.¹⁶ Однако указанный им вместо Бенкендорфа И.М. Бибиков не являлся флигель-адъютантом в годы существования «Ордена» (1815—1818 гг.); он стал им лишь в 1825 г. Существовала также точка зрения А.Н. Шебунина, который считал, что здесь имеется в виду военный историк, в будущем известный председатель Цензурного комитета Д.П. Бутурлин.¹⁷

¹² Павлова В.П. [Комментарий к «Запискам» С. П. Трубецкого]. С. 353, 359.

¹³ См.: Тургенев Н.И. Россия и русские. М., 2001. С. 101.

¹⁴ Трубецкой. С. 245.

¹⁵ Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 408; Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 133.

¹⁶ Лотман Ю.М. М.А. Дмитриев-Мамонов — поэт, публицист, общественный деятель // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 78. 1959. С. 27—28.

¹⁷ Шебунин А.Н. Братья Тургеневы и дворянское общество александровской эпохи // Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 49. Ср.: Оксман Ю.Г., Пугачев В.В. Пушкин, декабристы и Чаадаев. Саратов, 1999. С. 117—118.

Рукопись Трубецкого вносит окончательную ясность в этот запутанный вопрос. Перечисляя участников «Ордена русских рыцарей», мемуарист называет Д.П. Бутурлина: «...Общество Р[усских] Р[ыцарей] <...> состояло <...> только из семи человек. Четверо перешли в С[оюз] Б[лагоденствия] <...> Эти семь человек были граф Дмитриев-Мамонов <...> к[нязь] А.С. Меншиков, Д.П. Бутурлин, М.Ф. Орлов, М.А. Фонвизин, Н.И. Тургенев и Каверин. К[нязь] М[еншиков] и Б[утурлин] не хотели явно принадлежать к такому многочисленному обществу, каковым было тогда С[оюз] Б[лагоденствия]».

Таким образом, прав оказался именно А.Н. Шебунин. Исследователя не должно смущать присутствие в этом раннем политическом тайном обществе (с масонской обрядностью и уставом) А.С. Меншикова и Д.П. Бутурлина, в то время совсем не чуждых либеральным идеям и находившихся в дружеских отношениях с М. Ф. Орловым, который, судя по всему, и привлёк их в «Орден».¹⁸

Трубецкой впервые называет в качестве участников «Ордена» М.А. Фонвизина и П.П. Каверина. Это, во-первых, служит основанием для пересмотра представлений о времени и путях их вступления в декабристское тайное общество, а, во-вторых, позволяет уточнить и пополнить имеющиеся данные о составе членов «Ордена русских рыцарей». Источником информации мемуариста об участниках «Ордена» мог послужить как Н.И. Тургенев, которого автор записок лично принимал в Союз благоденствия, так и М.А. Фонвизин, с которым Трубецкой провёл длительное время в Сибири.¹⁹

Другое свидетельство мемуариста касается подписки в пользу проекта освобождения крепостных крестьян, проведённой дворянами Санкт-Петербургской губернии (датируется 1816 г.). Впервые о ней упомянул, опираясь на свидетельство И.В. Васильчикова, записанное Ф.П. Лубяновским, официальный историк М.И. Богданович. В.И. Семевский включил приведённые Богдановичем факты в свое классическое исследование истории крестьянского вопроса.²⁰ В последнее время историки поставили под сомнение достоверность сведений об этой

¹⁸ См. указанные выше работы М.В. Нечкиной и Ю.М. Лотмана. Ср.: *Серков А.И.* История русского масонства XIX века. СПб., 2000. С. 107. В силу сказанного нельзя считать правомерным отнесение к числу участников «Ордена русских рыцарей» И.М. Бибикова, встречающегося в научной литературе до настоящего времени. См., например: *Тургенев Н.И.* Россия и русские. М., 2001. С. 684 (комментарий).

¹⁹ О приёме Н.И. Тургенева Трубецким см.: *Восстание декабристов. Документы.* Т. 15. М., 1979. С. 272; *Тургенев Н.И.* Россия и русские. С. 55.

²⁰ *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1869. Т. 1. С. 129–131; *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России во второй половине XVIII века и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1. С. 435.

подписке. Так, С.В. Мироненко предположил, что произошла ошибка памяти: сведения о подписке 1816 г. — «...это сильно искажённый отзвук более позднего события — попытки группы петербургских дворян в 1820 г. создать специальное общество для “изыскания способов к улучшению состояния крестьян и к постепенному освобождению от рабства...”», которое было инициировано М.С. Воронцовым и братьями А.И. и Н.И. Тургеневыми.²¹

Вновь найденная рукопись прямо и недвусмысленно говорит о подписке 1816 г. Уникальность свидетельства состоит в том, что Трубецкой сообщает о большой роли в данной подписке участников тайных обществ, в частности М.Ф. Орлова: «Члены общества собрали подписку на освобождение крестьян. Из числа известных лиц, подписавших согласие своё и обещание исполнить на правилах, какие будут составлены и утверждены правительством, были граф Кочубей и П.А. Строгонов, князь Меншиков и Иларион Васильевич Васильчиков. Последний, подписав, доложил тотчас <...> государю, который изъявил своё неудовольствие и приказал уничтожить подписку, сделав изустно строгий выговор собиравшему её Мих. Фед. Орлову».²²

Свидетельство Трубецкого, снабжённое новой конкретной информацией о роли М.Ф. Орлова, который не принимал участия в подписке 1820 г., придаёт дополнительный вес свидетельству И.В. Васильчикова и является подтверждением тому, что подписка 1816 г., проведённая дворянами Санкт-Петербургской губернии, имела место.

Важное указание содержит рассказ мемуариста о намерении Александра I издать манифест об освобождении крепостных крестьян и так называемом «московском заговоре» 1817 г. В известных своих записках Трубецкой не приводил биографические данные о собеседнике Александра I Лопухине, поэтому в исследовательской литературе утвердилось мнение, не подвергавшееся до сих пор сомнению, что доверительный разговор («наедине») императора о намерении издать манифест произошёл с флигель-адъютантом П.П. Лопухиным (членом Союза спасения).²³

В рукописи Трубецкого биографические сведения о Лопухине раскрываются, в качестве собеседника императора называется отец П.П. Лопухина — П.В. Лопухин, занимавший пост председателя Государственного Совета и Комитета министров: «Общество видело, что действия государя не соответствовали той любви к народу и тому желанию устроить его благосостояние, которое оно в нём предполагало. Сомнение, что

²¹ *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989. С. 82–83.

²² Ср.: Трубецкой. С. 222.

²³ *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. С. 85–86, 90.

он ищет более своей личной славы, нежели блага подданных, вкралось уже в сердца членов. Немало способствовал тому сделавшийся известным членам общества откровенный наедине разговор государя с председателем Госуд[арственного] Совета к[нязем] Лопухиным <...> Государь говорил князю о решительном своём намерении дать свободу крестьянам и, наконец, сказал: “Если дворяне будут противиться, я уеду со всей моей фамилией в Варшаву и оттуда пришлю указ”. Некоторые члены, бывшие в Москве, узнали этот разговор государя с к[нязем] Л[опухиным], и в первую минуту мысль о том, каким ужасам безначалия может подвергнуться Россия от такого поступка, так сильно поразила одного из членов, что он выразил готовность (если б государь оказал себя таким врагом Отечества) принести его в жертву, не щадя собственной жизни. Эти слова тем замечательны, что они впоследствии послужили поводом к приговору в каторжную работу и того, кто их сказал, и тех, при ком сказаны были».

Это немаловажное обстоятельство имеет значение при оценке авторитетности той информации, что поступила к Трубецкому в 1817 г. (видимо, через П.П. Лопухина). Таким образом, конфиденциальный разговор Александра I, вызвавший острую реакцию участников декабристской конспирации, имел место не с сыном «первого сановника империи» флигель-адъютантом П.П. Лопухиным²⁴, а с самим сановником, что не может не влиять на оценку этого документального свидетельства.

Несомненный интерес вызывает отсутствующий в известной редакции записок Трубецкого фрагмент, который передаёт настроения, распространившиеся в дворянском обществе в 1817–1818 гг., в связи с задуманными императором преобразовательными мерами: «Присутствие <...> императорской фамилии в Москве радовало всех её жителей <...> между тем, во всех гостиных раздавались разговоры о поселениях и о свободе крестьян. Приехавшие из Петербурга в первой половине декабря должны были около Бронниц сворачивать с большой дороги, чтоб объезжать бывшее в осаде селение Естяны, и рассказывали о происходивших там жестокостях и о жалобах крестьян. Но это был предмет, который не так был близок к сердцу дворян, как освобождение крестьян, и потому о нём только рассказывали, тогда как о последнем рассуждали, и вообще со страхом <...> Жестокости, допущенные в <...> поселениях <...>, несогласие Государя дозволить содействие дворянства в деле такой важности, которое должно было совершенно изменить положение дворян, какова есть свобода крестьян, <...> казались очень странными».

Свидетельство мемуариста, совершившего в 1817 г. поездку из Петербурга в Москву (вслед за сводным гвардейским отрядом), весьма

²⁴ См.: *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. С. 85.

значимо, поскольку доносит до нас ценные наблюдения о настроениях, распространившихся как в целом в дворянском обществе, обеспокоенном слухами о реформаторских шагах Александра I, так и среди участников декабристских обществ.

В новонайденной рукописи мемуарист затрагивает вопрос о взаимоотношениях тайных обществ и масонских лож. Как известно, с 1816 г. Трубецкой входил в состав ложи «Трёх добродетелей», а в 1818–1819 гг. являлся её наместным мастером.²⁵ Поэтому перед нами свидетельство из первых рук: «...Многие члены поступили в масоны, чтоб узнать тайны этого общества, и видеть, сколько оно может содействовать или вредить цели союза. Им удалось, наконец, овладеть одною из лож, которую они направляли сходно цели Союза благоденствия, но она состояла в зависимости [от] главной ложи, управляемой графом В[и] — ельгорским, в которой господствовал какой-то странный мистицизм. Не желая, чтоб их ложа приняла такое направление, и не видя достаточной пользы в масонстве, члены отстали от него». Сообщение непосредственного и деятельного участника событий имеет большую ценность для исследователей вопроса.

Рассказав о деятельности Союза благоденствия, мемуарист лаконично, но содержательно пишет о своей роли в учреждении Северного общества, после возвращения из заграничного отпуска в 1822 г., о «правилах» нового общества, изменениях тактики при основании нового конспиративного объединения: «Возвратясь в Петербург после двухлетнего отсутствия, Трубецкой нашёл там очень мало членов, и тех упавших духом <...> Согласились возобновить действие в прежнем духе и по правилам С[оюза] б[лагоденствия]. Но так как правительство сделалось подозрительно, то положили не иметь многолюдных управ и многочисленных собраний <...> быть осторожнее в принятии новых членов, оставя в покое тех, которые охладели...».

Ряд чрезвычайно ценных оценок и характеристик содержит более подробное (в сравнении с известной редакцией) описание переговоров руководителей Северного общества с П.И. Пестелем в 1824 г.: «В собраниях, которые были для совещания с ним, он представлял необходимость изменить образ действия <...> как весьма медленного и отдаляющего достижение цели на неопределённое время. Он излагал мнение, что общество должно стараться приобретать силу для изменения образа правления насильственным образом, и тогда общество, взяв в руки власть, должно об-

²⁵ См.: Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 178. Ср.: Дружинин Н.М. К истории идейных исканий П.И. Пестеля // Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 305–329; Серков А.И. История русского масонства XIX века. С. 152–153.

разовать из себя Временное правление, которого обязанность будет ввести то устройство и законы, по которым Отечество должно быть управляемо. Для доставления обществу этой силы следовало вручить управление его трём лицам, из которых два уже были на Юге, а третье избрать в столице <...> Открыто было общество между поляками, с которым вступили в сношение. Оно требовало восстановления Польши и отделения её от России, на что дано было предварительное согласие, хотя и не в том размере, в каком предполагали поляки. Эти речи сильно взволновали присутствовавших <...> Жаркие возражения <...> против такого образа мыслей и против изменения цели, с которою было составлено общество, не имели влияния на Пестеля. Разрыв <...> отделений общества был неизбежен; <...> сверх того предстояло ещё удержать в правилах Союза некоторых из молодых членов в столице, которых П[естель] в частных свиданиях убедил принять некоторые из его мнений. И потому первым делом старших членов было обратить младших на прежний образ мыслей...».

Здесь же Трубецкой впервые перечисляет «пункты», вокруг которых, по его словам, объединились руководители Северного общества, стремясь противодействовать предложениям Пестеля:

«1-е. Не изменять образа действия <...> Цель не может быть иначе, как отдаленна, потому что дело такого рода, что невозможно положить срока его исполнению.

2-е. Общество приобретёт возможность действовать на государственные постановления тогда, когда члены его, оставаясь на службе, займут должности, в которых таковое действие будет им предоставлено самим званием их.

3-е. Изменение образа правления насильственным образом есть дело страшное, которое неминуемо повлечёт за собою все ужасы Французской революции, от которых предохранить Россию есть одна из первых целей общества <...>

4-е. Вручить безотчётное управление общества трём или скольким бы то ни было лицам было бы сделаться прочим членам слепыми орудиями этих лиц.

5-е. Сообщённые П[естелем] основания, на которых составлена “Русская правда”, не могут быть приложены к Русскому государству.

6-е. Уступить Польше то, что приобретено от неё ценою крови отцов, невозможно. Польша должна навсегда оставаться достоянием России, но справедливость требует, чтобы как поляки, так и прочие покорённые русскими народы пользовались одними с ними правами...».

Изложение содержания переговоров между Пестелем и Северным обществом, изложение предложений лидера Южного общества, пере-

числение основных пунктов разногласий, — всё это является важным ретроспективным свидетельством со стороны непосредственного и осведомлённого участника переговоров. В особенности ценным для дальнейшего изучения проблемы следует признать по пунктно перечисленные Трубецким основы «позитивной программы» лидеров Северного общества, противопоставленной предложениям Пестеля. Эти «пункты» доносят до нас основополагающие программные и тактические установки, выработанные, согласно указанию Трубецкого, руководителями Северного общества и отстаиваемые ими при переговорах с Южным.

Новые и существенно важные для исследователя декабристского движения акценты содержит рассказ Трубецкого о его пребывании в Киеве в 1825 г., где он оказался, по его словам, из-за опасений перед ростом влияния Пестеля: «Приехав в Киев, Т[рубецкой] нашел, что Южное общество во всё отклонилось от правил Союза и действовало единственно по направлению, которое давал ему П[естель]. Некоторые члены, хотя и оставались верными прежде принятым <...> началам, <...> лишены были средств действовать. Этих членов Т[рубецкой] старался соединить и посредством их привлечь других на свою сторону, в чём и имел достаточный успех <...> Узнав, кто были некоторые из главных членов Польского общества, он надеялся <...> убедить их оставить несбыточную мысль, чтоб Польша могла когда-либо отделиться от России. Время не позволило привести в исполнение этой статьи...».

Рассказ Трубецкого о междоусобице 1825 г., в сравнении с известной редакцией, имеет не столь значимые содержательные отличия. Как и в известной редакции записок, Трубецкой во вновь найденной рукописи настаивает, что М.А. Милорадович был фактически главным виновником междоусобицы, великие князья Константин и Николай вели себя неподобающим образом, а тайное общество воспользовалось смутными обстоятельствами для обращения потенциально возможного выступления гвардии к лучшей цели — предъявлению требований необходимых общественных преобразований и изменения формы правления. В этой части рукописи больше всего текстуальных совпадений с известной редакцией записок.²⁶

Правда, Трубецкой несколько подробнее характеризует поведение основных претендентов на престол в дни кризиса: «Хотя скрывали в большой тайне известия, привезённые Михаилом Пав[ловичем], но <...> можно догадаться было, что они ни для кого не были удовлетворительны. Если Константин ожидал, что выполнено будет завещание Александра, то приездом своим в Петербург он утвердил бы право

²⁶ См.: Трубецкой. С. 231–250.

Николая; но упорное пребывание его в Варшаве подавало повод полагать, что он выжидает, какой оборот примет дело в Петербурге, или чего-нибудь боится. Какие подлинно были мысли Константина, неизвестно <...> Он показывал, что не алчет власти, и никто не вправе был бы укорить его за такое равнодушие, если б он уклонился от неё с соблюдением того порядка и торжественности, которых требовало подобное обстоятельство. Напротив, он не соблюдал даже самых простых правил благопристойности. Письмо, присланное им с Мих[аилом] Пав[ловичем] к Николаю <...> было написано в таких неприличных выражениях, что даже и впоследствии не осмелились им воспользоваться. Ничто не могло убедить его к принятию поведения, достойного его сана; он твердил, что знать ничего не хочет, и на этом основании отказывался принимать посылаемых от Сената и прочих мест с извещением о данной ему присяге».

Весьма примечателен рассказ Трубецкого о событиях, происшедших во время присяги Константину Павловичу в Москве: «В Москве сопротивление оказалось со стороны митрополита. Там в Успенском соборе действительно было положено завещание Александра с повелением открыть его тотчас по получении известия о его смерти, и митрополит Филарет отказался привести к присяге собравшихся в соборе правительственных чинов и прочих лиц. Сенаторы московских департаментов должны были уехать ночью из собора и из общего собрания послать указ о приведении к присяге. Таким образом, высокопреосвященный отклонил от себя нареkanie <...> за неисполнение данного покойным императором повеления».

Рассказ Трубецкого входит в некоторое противоречие с воспоминаниями митрополита Филарета (В.М. Дроздова), — как приведёнными в редакции М.А. Корфа в известном сочинении «Восшествие на престол императора Николая I-го», так и рукописными записками. В них утверждается, что Филарет не соглашался провести присягу в разговоре с Московским военным генерал-губернатором Д.В. Голицыным, а не во время чрезвычайного собрания «правительственных чинов». Филарет уступил только после заверения Голицына, что сначала будет подготовлено и объявлено официальное постановление о присяге московских департаментов Сената, и провел присягу лишь после сообщения о присяге сенаторов («ночной отъезд» сенаторов из Успенского собора не подтверждается).²⁷

²⁷ См.: Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I-го // 14 декабря 1825 года и его истолкователи: Герцен и Огарев против барона Корфа. М., 1994. С. 239–241; Митрополит Филарет. Воспоминания, относящиеся к восшествию на престол государя императора Николая Павловича // Николай I: Личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 135, 136.

Уникальные сведения содержит новонайденная рукопись о контактах между участниками тайного общества и В.А. Жуковским. Ранее, со слов самого Жуковского и Трубецкого, а также из мемуаров Н.И. Тургенева, было известно, что в 1818–1819 гг. Жуковскому неоднократно предлагалось вступить в Союз благоденствия. Он познакомился с уставом тайного общества, выразил сочувствие целям и программе деятельности Союза, но стать его членом отказался. Одним из тех, кто предлагал Жуковскому вступить в Союз благоденствия, был не кто иной, как Трубецкой.²⁸ Во вновь обнаруженной рукописи к этим данным добавляются неизвестные ранее сведения о встрече Трубецкого с Жуковским в кризисные дни междуцарствия: «...10-го декабря 1825-го он ещё говорил с Трубецким об обществе и сожалел, что оно не достигло той силы, которой он ему желал по его благой цели». Можно заключить: Жуковский не только знал о существовании тайного общества и сочувствовал программе Союза благоденствия, но и, возможно, получил какие-то сведения о замыслах заговорщиков в 1825 г.

Рукопись Трубецкого содержит любопытное свидетельство о поручении, будто бы данным Александром I М.М. Сперанскому. Это поручение следует отнести ко времени после возвращения Сперанского из Сибири: «Сперанский был уже с некоторого времени занят по поручению Александра разбором конституций существующих представительных государств». Указание Трубецкого, не подкреплённое никаким другим источником, требует дальнейшей проверки и подтверждения.

Здесь же мемуарист сообщает о том, что среди влиятельных государственных деятелей имелись сторонники политических изменений, с которыми у заговорщиков были контакты в период междуцарствия 1825 г.

Изложение плана выступления 14 декабря и событий этого дня крайне лаконично и существенно не отличается от известной редакции. Зато полностью оригинальна та часть вновь найденных записок, которая посвящена судебнo-следственному процессу. Здесь можно найти следующие оценки деятельности Следственной комиссии: «Следствие ведено по образцу самых низких полицейских инстанций: обман, ложь, насмешки, угрозы, наручные железа, хлеб и вода вместо всякой другой пищи — все имело место <...>. Некоторые протестовали, что показания и признание были вынуждаемы насильственно, но это осталось без внимания. Комитет старался выставить как дело, так и лица, в самом мерзком и злонамеренном виде».

Сюжет о следственном процессе, суде и наказаниях членам тайных обществ заключает данную редакцию записок. На последних листах ру-

²⁸ Трубецкой. С. 293. Ср.: *Тургенев Н.И.* Россия и русские. С. 55.

кописи говорится об участниках декабристских союзов, избежавших наказания, а также о тех, кто вообще не привлекался к следствию и остался правительству неизвестным.

Трубецкой отмечает: «Из бывших под арестом до окончания следствия человек до семидесяти освобождено от суда», — а затем сообщает, что многие из бывших деятелей тайных обществ, спасшиеся от репрессий, сделали успешную карьеру в царствование Николая I: «В заключение заметим, что, видно, тайное общество состояло не из злоумышленных и безнравственных людей, когда многие из бывших его членов <...> ныне занимают высокие должности <...> Назовем только малое число таких лиц, которые занимали немаловажные места. Вольховской был <...> начальником штаба Грузинского <...> корпуса; Бурцов — генерал-майором и убит за Кавказом в войну с турками; Граббе и Гурко ген[ерал]-адъютанты и командовали на Кавказе дивизиями <...>, последний был у гр[афа] Воронцова начальником штаба; Николай Муравьёв командовал корпусом; брат его Михайла — сенатор; князь Горчаков — начальник штаба у князя Варшавского в действующей армии; кн[язь] Долгоруков, Илья Бибииков при в[еликом] к[нязе] Михаиле Павловиче; Колошин — начальником департамента <...> министерства; Кавелин, Годаин оставались адъютантами у государя, первый теперь петербургским военным генерал-губернатором; Панютин, Хотяинцев, Набоков командуют дивизиями; князь Лопухин оставался дивизионным командиром; Перовский — министр внутренних дел; Литке — наставник в[еликого] к[нязя] Константина Николаевича. Кн[язь] Меншиков и Бутурлин, хотя собственно не принадлежали к Обществу и были членами Общества Р[усских] Р[ыцарей], но знали о существовании и цели; это не помешало им быть членами [Государственного] Совета».

Трубецкой перечисляет участников тайного общества, избежавших наказания или вовсе не привлекавшихся к следствию, в том числе тех, кто не был назван в показаниях арестованных.²⁹

Имена тех, кто остался правительству неизвестными, конечно, отсутствуют в «Алфавите», составленном делопроизводителем Следственной комиссии А.Д. Боровковым по итогам процесса. М.Д. Горчаков, Ф.П. Литке, Н.Н. Муравьёв были впервые названы Трубецким в качестве

²⁹ См. о них: *Пушкина В.А., Ильин П.В.* Персональный состав декабристских тайных обществ (1816–1826). Справочный указатель // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 2. СПб.; Кишинев, 2000. С. 34, 36–37, 49. О М.Д. Горчакове, Ф.П. Литке и Н.Н. Муравьёве см.: *Декабристы. Биографический справочник.* С. 211–212; *Ильин П.В.* 1) *Безвестные декабристы: О лицах, не вошедших в «Алфавит» А.Д. Боровкова // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография.* Вып. 4. СПб.; Кишинев, 2001. С. 402–405; 2) *Новое о декабристах. Прощённые, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг.* СПб., 2004. С. 415–418.

участников тайного общества в известной редакции записок.³⁰ Вместе с тем, рукопись содержит новые имена: упоминавшегося выше Д.П. Бутурлина, П.А. Набокова, Ф.С. Панютина.

Пётр Александрович Набоков (около 1790–1847) — брат Ивана Александровича (генерал от инфантерии, петербургский комендант) и Николая Александровича (отец министра юстиции Дмитрия Николаевича Набокова и прадед известного писателя В.В. Набокова) Набоковых, в 1825 г. полковник, командир Кременчугского пехотного полка, стоявшего в непосредственной близости от места квартирования Черниговского пехотного полка, — давний товарищ С.И. Муравьёва-Апостола по лейб-гвардии Семёновскому полку. Ранее историки располагали сведениями о том, что Набоков знал о существовании тайного общества. Между тем, накануне выступления Черниговского полка у Набокова побывали С.И. и М.И. Муравьёвы-Апостолы, вели с ним переговоры, содержание которых не нашло отражения в материалах следствия. Мемуаристы декабристского ряда писали о том, что речь шла о присоединении Кременчугского полка к восстанию; ответ Набокова на предложение С.И. Муравьёва-Апостола неизвестен. Штаб-квартира Кременчугского полка (Брусилев) была назначена С.И. Муравьёвым-Апостолом в качестве «сборного пункта», где должны были сойтись возмутившиеся части. Набоков не привлекался к следствию; его роль в событиях на юге не раскрыта в следственных показаниях.³¹

Фёдор Сергеевич Панютин (1788–1865) — в 1825 г. полковник Севского пехотного полка, который также входил в состав 3-го пехотного корпуса 1-й армии и располагался недалеко от Черниговского полка. Панютин служил в лейб-гвардии Семёновском полку и являлся давним знакомым С.И. и М.И. Муравьёвых-Апостолов. Как член тайного общества, Панютин упоминается лишь в показаниях В.И. Враницкого, которые, однако, не привлекли внимания следователей.³² Судя по всему, Панютин принадлежал к штаб-офицерам 1-й армии, на которых серьёзно рассчитывал С.И. Муравьёв-Апостол, вынашивая замысел военного выступления на юге. К следствию Панютин не привлекался; впоследствии он стал генералом от инфантерии, Варшавским военным генерал-губернатором,

³⁰ Трубецкой. С. 245.

³¹ См.: Восстание декабристов. Документы. Т. 4. М.; Л., 1927. С. 249; *Вадковский Ф. Ф.* Белая Церковь // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931. Т. 1. С. 192–193, 200. Ср.: *Ильин П. В.* Новое о декабристах. С. 421–432.

³² Восстание декабристов. Документы. Т. 11. М., 1954. С. 331. Ср.: *Ильин П. В.* 1) Предлагаемые декабристы. Обзор указаний источников о возможных участниках тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 5. СПб., 2002. С. 114–117; 2) Новое о декабристах. С. 406–409.

членом Государственного Совета, в годы Крымской войны командовал армией на Балканском театре военных действий.³³

Рукопись вновь обнаруженных записок Трубецкого позволяет считать П.А. Набокова и Ф.С. Панютину бесспорными участниками тайного общества, несмотря на то что эти лица не привлекались к официальному следствию. Они относятся к категории уцелевших декабристов, принадлежность которых к конспиративным организациям осталась неизвестной в 1825–1826 гг. При оценке указания Трубецкого следует иметь в виду, что мемуарист — лицо весьма осведомлённое, возглавлявшее тайное общество в течение 10 лет существования, поэтому его свидетельство в этой части нельзя не признать авторитетным и достоверным.

Таковы некоторые, имеющие несомненный научный интерес сведения как фактографического, так и оценочного характера, которые содержит вновь найденная рукопись воспоминаний Трубецкого. Рассмотренные указания демонстрируют большую содержательную ценность записок Трубецкого как исторического источника. Введение в научный оборот нового источника по истории общественного движения начала XIX в. позволяет по-новому подойти к ряду важных проблем в исследовании эпохи, обогащает научные представления об истории тайных обществ декабристского ряда, вносит определённые уточнения в существующую литературу по истории правительственной политики 1810-х–1820-х гг., настроений в дворянском обществе, по истории тайных обществ, персональному составу конспиративных организаций декабристов, ряду других проблемных и конкретных вопросов.

³³ Биографические сведения о Ф.С. Панютине см.: *Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А.* Члены Государственного Совета Российской империи. Библиографический справочник. СПб., 2007. С. 613–616.